

Марина Александровна РАДОВА,
адъюнкт Омской академии МВД России
neiman.marina@mail.ru

**ЗАЩИТА СВЕДЕНИЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЗАЯВИТЕЛЯ
НА СТАДИИ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ**

**PROTECTION OF INFORMATION ABOUT PRIVATE LIFE OF THE APPLICANT
AT THE STAGE OF VERIFICATION OF A CRIME REPORT**

Порядок принятия заявления о преступлении не только исключает его анонимность, но и предписывает осуществление комплекса регистрационных действий, в ходе которых происходит фиксация достоверной информации о личности заявителя и совершенном преступлении. Это способствует созданию угроз жизни и здоровью таких граждан, ограничивает эффективную реализацию применяемых мер безопасности. Исследование позволило сформулировать предложения, направленные на устранение имеющихся в данной сфере пробелов уголовно-процессуального законодательства на стадии проверки сообщения о преступлении.

The procedure for accepting a crime report from a citizen not only excludes the citizen's anonymity, but also prescribes a set of registration actions, during which reliable information about the applicant identity and the crime reported is fixed. This contributes to threats to the life and health of such citizens, limits the effective implementation of the applied security measures. The research made it possible to formulate proposals to eliminate gaps in the criminal procedure legislation in this area at the stage of verifying a crime report.

Ключевые слова: заявитель, сообщение о преступлении, меры безопасности, участники уголовно-судопроизводства, защита сведений о частной жизни.

Keywords: applicant, crime report, security measures, participants of criminal proceedings, protection of information about private life.

Осуществление уголовного преследования предполагает существование рисков в сфере безопасности участников уголовного процесса. Сам факт участия граждан в уголовном процессе может создать угрозы для их жизни и здоровья, в связи с чем на государство возлагаются обязанности по принятию соответствующих мер.

С одной стороны, «закон обязывает выполнять служебные обязанности, способ-

ствует осуществлению общественного или гражданского долга, с другой стороны, практически отсутствуют механизмы реальной защиты от запугивания, угроз, насилия и других видов воздействия со стороны преступников» [2, с. 49]. Так, 39,6% опрошенных сотрудников правоохранительных органов пояснили, что в своей работе встречались со случаями угроз и/или насилия в адрес участников уголовного судопроизводства. В основном

угрозы высказывались со стороны подозреваемых (обвиняемых) и (или) их близких родственников в отношении свидетелей и потерпевших. При этом 45,1% респондентов испытывали такие угрозы в свой адрес и (или) своих коллег.

Стоит отметить, что программа защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства появилась относительно недавно. Впервые вопрос о разработке подобной программы встал в СССР еще в конце 1960-х – начале 1970-х годов, когда в Ростове-на-Дону появилась банда братьев Толстопятовых. Но даже без официального закрепления мер безопасности в законодательстве при расследовании и рассмотрении этого уголовного дела в суде уже тогда они применялись (конспиративная квартира, грим и т.д.) в отношении свидетелей [6, с. 95].

Аналогичным может быть пример уголовного дела банды «Хади Такташ», в процессе расследования которого свидетелей доставляли в зал судебного разбирательства на бронированных автомобилях, размещали в отдельных комнатах, оборудованных техническими средствами, изменяющими голос, гримировали, надевали маски, парики, мешкообразные пальто-балахоны, скрывающие фигуру, изменяли паспортные данные и т.д.

Приведенные примеры говорят лишь о том, что еще до закрепления в законодательстве мер по защите различных участников уголовного судопроизводства, в их применении существовала объективная необходимость¹. Однако указанные проблемы до принятия УПК РФ находили отражение только в научных трудах ученых, которые обращали внимание на создание нового для отечественного законодательства института государственной защиты участников уголовного судопроизводства, позволяющего гарантировать важнейшие конституционные права и свободы личности, обеспечивать безопас-

ность всех лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений [3, с. 20].

Риски раскрытия сведений о частной жизни человека в результате его участия в уголовном процессе не только возрастают сами по себе, но и несут в себе дополнительные угрозы безопасности. В связи с данными обстоятельствами ч. 3 ст. 11 УПК РФ устанавливает для суда, следователя, дознавателя полномочия по принятию мер безопасности к участникам уголовного процесса (далее – меры безопасности).

Круг лиц, в отношении которых могут быть приняты меры безопасности, определенный в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, носит усеченный характер, охватывая (помимо потерпевшего и свидетеля, прямо указанных в норме) понятием «иные участники уголовного судопроизводства» всех потенциально вовлеченных в производство по уголовному делу лиц. Также меры безопасности могут быть приняты в отношении родственников или близких лиц участников уголовного судопроизводства. В отличие от этого усеченного формата более подробно круг лиц, в отношении которых применяются меры безопасности, устанавливается в ст. 2 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – ФЗ N 119)². Указанным законом устанавливается возможность применения мер безопасности по отношению ко всем участникам уголовного судопроизводства, не наделенным властными полномочиями, к которым относятся: потерпевший, свидетель, частный обвинитель, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, их защитники и законные представители, осужденный, оправданный, а также лицо, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование было прекращено, эксперт, специалист, переводчик, понятой, а также участвующие в уголовном судопроизводстве педагог и

1 «Закат казанского феномена»: как появилась ОПГ «Хади Такташ» и почему суд над ее участниками вошел в историю российского правосудия // URL:<https://sntat.ru/news/zakat-kazanskogo-fenomena-kak-poyavilas-opg-xadi-taktas-i-pocemu-sud-nad-ee-ucastnikami-vosel-v-istoriyu-rossiiskogo-pravosudiya-5832754> (дата обращения: 14.05.2023).

2 О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. N 34, ст. 3534.

психолог, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители, представители потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и частного обвинителя.

Основанием для применения мер безопасности является наличие достаточных данных (в трактовке ст. 16 ФЗ N 119 – просто данных) о существовании угроз противоправных действий (убийство, применение насилия, уничтожение или повреждение имущества и иное) в отношении участников уголовного судопроизводства. Ю.С. Аваков и О.В. Карягина отмечают неоднозначность в соотношении реальности угрозы и достаточности сведений о ее наличии. Нет четких критериев оценки достаточности таких данных. Этот вопрос остается предметом дискреции правоприменителя [4, с. 54].

Источником подтверждения реальности имеющейся угрозы могут быть результаты следственных действий или оперативно-розыскной деятельности. Однако меры безопасности могут быть применены и до возбуждения уголовного дела [12, с. 154].

Преобладающая часть принимаемых мер безопасности в той или иной мере направлена на сокрытие от публичной огласки или свободного доступа конфиденциальной информации об охраняемом лице [7, с. 6]. Е.А. Катков отмечает, что меры безопасности не должны избыточным образом посягать на права личности, в том числе на неприкосновенность частной жизни [5, с. 12].

Как известно, одним из способов обеспечения конфиденциальности сведений об участнике уголовного судопроизводства является использование псевдонима (подложного имени). Открытым остается вопрос об использовании псевдонима при подаче заявления о преступлении. Это действие требует от заявителя предоставления достоверных данных, включая подлинные сведения о личности, и подтверждающих документов. Хотя уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность использования псевдонима, в том числе на этапе проверки сообщения о преступлении (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ), в части, касающейся подачи заявления

о преступлении, такая возможность отсутствует. Складывается ситуация, при которой лицо сначала должно выступить в качестве заявителя под своим настоящим именем (с процессуальной фиксацией такого) и лишь затем приобрести возможность скрывать свою личность под псевдонимом при проверке сообщения о преступлении.

В юридической доктрине распространение мер безопасности на участников досудебного производства при приеме сообщения о преступлении рассматривается в том числе и в контексте подачи заявления о преступлении [9, с. 218]. Однако подобный подход не представляется конструктивным. Понятие «сообщение о преступлении» не тождественно понятию «заявление о преступлении» с учетом факта нормативной фиксации четырех поводов, которые являются достаточными для возбуждения уголовного дела, среди которых термин «сообщение» применяется лишь к одному (ст. 140 УПК РФ). Не известно, распространяется ли понятие «сообщение о преступлении» также и на заявление о преступлении. Вместе с тем предусмотренный порядок принятия заявления о преступлении не только исключает его анонимность, но и предписывает осуществление комплекса регистрационных действий, в ходе которых происходит фиксация достоверной информации о личности заявителя, включая его персональные данные [14, с. 146]. Использование псевдонима противоречило бы логике всего процесса регистрационного производства в отношении заявления о преступлении, так как лишало бы существующий механизм возможности идентификации заявителя.

Отметим также в качестве специфической черты рассматриваемого вопроса то обстоятельство, что в процессе подачи заявления о преступлении у уполномоченного субъекта с высокой степенью вероятности не будет времени и возможности проверки и оценки характера возможной угрозы. Данное обстоятельство фактически побуждает уполномоченные органы полагаться на достоверность сведений и субъективных оценок самого заявителя в случае, если им сообщается о наличии подобного рода угрозы его безопасности.

Рассматриваемый аспект проблемы обеспечения неприкосновенности частной жизни тесным образом связан со слабой процессуальной проработкой статуса заявителя. На этот факт обращали внимание ученые-процессуалисты еще до внесения изменений в УПК РФ и принятия ФЗ N 119, предлагая применять меры безопасности к нему [15] и ко всем лицам, которые с ним связаны [10].

На текущий момент процессуальный статус заявителя законодательно не определен. В контексте прямого запрета на подачу анонимных заявлений о преступлении представляется необходимым рассмотреть вопрос о способе сохранения в тайне информации о нем в рамках обеспечения как его личной безопасности, так и неприкосновенности его частной жизни. Между тем именно на этапе подачи заявления о преступлении для заявителя может существовать прямая угроза его личной безопасности. Именно наличие таких реальных угроз является одним из факторов, обуславливающих уровень латентной преступности, – лица, в отношении безопасности которых имеет место реальная угроза, просто отказываются от обращения в правоохранительные органы. М.М. Богинский справедливо отмечает, что уголовно-процессуальная деятельность начинается до возбуждения уголовного дела, а потребность личности в безопасности не ограничивается пределами самого уголовного процесса [1, с. 94]. Согласимся с предложением Н.В. Маликовой о том, что при принятии и проверке сообщения о преступлении участникам уголовного судопроизводства необходимо разъяснять право на государственную защиту [8, с. 35].

Согласно ч. 7 ст. 141 УПК РФ анонимные заявления не подлежат регистрации в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях (далее – КУСП)¹ и не могут служить поводом для возбуждения уголовно-

го дела. Запрет на анонимность предполагает размещение в тексте заявления конфиденциальных сведений (персональных данных), позволяющих осуществить идентификацию заявителя. Одним из возможных вариантов разрешения проблемы безопасности заявителя о преступлении может быть, обработка анонимных сообщений с последующим оформлением его результатов в качестве рапорта об обнаружении признаков преступления [8; 13]. Интересно отметить, что в правоприменительной практике такие случаи встречаются. Так, П.Р.А. был осужден за приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в крупном размере. При этом признаки совершенного им преступления были обнаружены оперуполномоченным ГКОН МО МВД России «Березовский» в результате отработки анонимного заявления о том, что по определенному адресу хранятся наркотические средства. Результаты этой работы были оформлены в виде рапорта об обнаружении признаков преступления².

Вопрос о правомерности подобных действий со стороны сотрудников правоохранительных органов вызывает обоснованные сомнения, хотя следует отметить, что суд не только не нашел оснований для признания неправомерности данных действий, но и открыто изложил в тексте судебного решения информацию об анонимности поступившего сообщения о преступлении. В юридической печати можно встретить позиции, согласно которым из анонимного заявления правоохранительным органам только предстоит сформировать законный повод для возбуждения уголовного дела [11, с. 120]. Это говорит о высокой степени толерантности, как правоприменительной практики, так и теории к осуществлению уполномоченными органами работы по проверке анонимных сообщений (заявлений) о преступлении. Вместе с тем подобный инструментальный подход в большей

1 Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29.08.2014 N 736 (ред. от 09.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

2 Приговор Березовского районного суда Красноярского края от 16.01.2020 N 1-34/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/O2ZVvca27fLS/> (дата обращения: 11.05.2023).

степени является новаторством в правоприменении, нежели конструктивным способом модернизации уголовно-процессуального законодательства, едва ли может быть признан подходящим для решения данной проблемы.

Таким образом, предусмотренный порядок регистрации заявления о преступлении противоречит возможности применения мер безопасности в отношении заявителя. Имеющиеся предложения о возможности рассмотрения и проверки анонимных сообщений также едва ли будут конструктивным способом изменения текущей ситуации. Как представляется, в изменении нуждается сам механизм регистрации заявления о преступлении, как на уровне законодательства, так и на уровне подзаконных нормативно-правовых актов. Отправной точкой для изменения данного регистрационного механизма может быть внесение двух изменений в текст уголовно-процессуального закона.

Во-первых, требуется конкретизация возможности применения мер безопасности в отношении заявителя, для чего необходимо добавить в часть 1.1 статьи 144 УПК РФ слова «и регистрации заявления о преступлении» после слов «при приеме сообщения о преступлении».

Во-вторых, требуется внесение возможности регистрации устного заявления о преступлении при личном обращении гражданина с применением к нему предусмотренных мер безопасности. Так, норму части 2 статьи 141 УПК РФ можно дополнить положением следующего содержания: «При подаче заявления в случае, если у заявителя существуют основания предполагать наличие угрозы его безопасности, регистрация данного заявления осуществляется с применением мер безопасности, предусмотренных в отношении участников уголовного судопроизводства».

Библиографический список

1. Богинский, М.М. Межотраслевая взаимосвязь мер обеспечения безопасности личности в механизме обеспечения безопасности личности как гарантии нейтрализации противодействия уголовному судопроизводству / М.М. Богинский // Евразийская адвокатура. – 2021. – N 3(52). – С. 93-97.
2. Брусницын, Л. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК / Л. Брусницын // Российская юстиция. – 2003. – N 5. – С. 48-50.
3. Зайцев, О.А. Степень научной разработанности проблем государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации / О.А. Зайцев // Уголовная юстиция. – 2014. – N 2(4). – С. 18-23.
4. Карягина, О.В. Поводы и основания применения мер безопасности защищаемого лица в уголовном судопроизводстве: постановка проблемы / О.В. Карягина, Ю.С. Аваков // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2021. – N 2(34). – С. 52-55.
5. Катков, Е.А. Меры безопасности как правовая категория / Е.А. Катков // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – N 4. – С. 11-15.
6. Киселев, А.М. Становление института государственной защиты свидетелей в Российской Федерации / А.М. Киселев // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XIX всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 30-31 октября 2019 года / отв. ред. А.Г. Чириков. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 94-101.
7. Лапин, Е.С. К вопросу о принципе конфиденциальности в российском уголовном процессе / Е.С. Лапин // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. – 2016. – N 2(8). – С. 5-8.

8. Маликова, Н.В. Некоторые проблемы применения мер безопасности на стадии возбуждения уголовного дела / Н.В. Маликова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 3(81). – С. 34-37.
9. Надуев, М.Н. Особенности применения сокрытия данных о личности как мера безопасности на стадии проверки сообщения о преступлении / М.Н. Надуев // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2015. – Т. 25, № 6. – С. 168-170.
10. Новиков, И.В. Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства на стадии приема, регистрации и проверки сообщения о преступлении / И.В. Новиков // Современное право. – 2011. – № 2. – С. 102-105.
11. Пироговский, И.Г. Закрепление информации о преступлении: система поводов к возбуждению уголовного дела / И.Г. Пироговский // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 1. – С. 117-133.
12. Попов, В.Л. Классификация мер безопасности, направленных на защиту жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства / В.Л. Попов, Н.В. Макеева // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 152-155.
13. Прыткова, Е.В. К вопросу о процессуальном порядке применения меры безопасности, предусмотренной частью 1.1 статьи 144 УПК РФ / Е.В. Прыткова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17-1. – С. 144-145.
14. Удовыдченко, И.В. Актуальные проблемы использования псевдонимов в уголовном процессе / И.В. Удовыдченко // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 145-148.
15. Химичева, Г.П. Досудебное производство по уголовным делам (Концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности) : дис. ... докт. юрид. наук / Г.П. Химичева. – М., 2003. – 399 с.